

ЯККО ХИНТИККА

Целищев В.В.

О ЯККО ХИНТИККЕ

Якко Хинтиikka занимает особое место в моей философской карьере. С тех пор как мне попалась его статья об экспликации аналитического, я был и остаюсь его поклонником, полагая, что это самый светлый ум в современной аналитической философии. Я стал переписываться с ним, и, получив от него книгу *Логика, языковые игры и информация*, с энтузиазмом погрузился в изучение сложного логического аппарата с не менее сложным названием «дистрибутивные нормальные формы логики первого порядка». С того момента я получил несколько книг Хинтиikka, которые по большей части представляют сборники статей. Хинтиikka столь полон идеями, что не может тратить времени на написание какого-то сводного труда, эдакого *magnum opus* своей философии. В последнюю нашу встречу в Хельсинки в ноябре 2012 года, за столиком в ресторане, он высыпал на меня массу интереснейших идей, разработка любой из которых тянет на философскую программу.

Перед тем как говорить о Хинтикке, хотелось бы сказать несколько слов о финских философах, и не только о философах. Это воистину удивительные люди, и в моем сознании Финляндия является великой философской державой. Помнится, мне попалась в руки книжка воспоминаний бывшего главы ТАСС Н.Г. Пальгунова *Тридцать лет: Воспоминания журналиста и дипломата*. – М.: Политиздат, 1964. Там был эпизод с его посещением какого-то интеллектуального салона в Хельсинки в 1930-е. По его описанию в комнате сидели седовласые леди и джентльмены, обсуждая Сартра, Рассела, и говорившие на другие интеллектуальные темы. При чтении текста чувствуется, что Пальгунова распирает от смеха, что в какой-то Финляндии идут эдакие интеллектуальные сборища... Забавно было бы вспоминать такие сейчас, когда Финляндия является страной с лучшим в мире образованием и интеллектуальной промышленной продукцией.

Наши отношения с Финляндией омрачены войнами, начиная с «финской кампании» 1939–1940 гг., и впоследствии Второй мировой. При этом из официальной историографии выпадает эпизод с нападением СССР на Финляндию в первые дни Великой отечественной войны, когда 25 июня советские самолеты бомбили среди других финских городов Хельсинки. Впрочем, эта история превосходно описана в книгах Марка Солонина, а здесь я упоминаю об этом для того, чтобы напомнить, что вряд ли финские граждане питали теплые чувства к советским гражданам даже после 30 лет окончания войны. Нужно было иметь настоящее гражданское мужество, чтобы начать поразительную работу Хинтикки и его коллег по налаживанию отношений с советскими философами, начиная с личных контактов и кончая устройством советско-финских симпозиумов по логике в 1970–1980-е.

Его ученики и коллеги проявили к русским поразительное радушие. Илкка Нинилуото, видный философ, скандинавский немногословный богатырь, ставший впоследствии ректором Университета Хельсинки, а ныне его Президент. Он не раз бывал в России, в последний раз на V Философском Конгрессе, прошедшем в Новосибирске в 2009 г., где я был председателем оргкомитета. Эса Сааринен, ныне очень известный медиа-философ, друг, которого я отпаивал горячим чаем с коньяком, когда он с высокой температурой валялся у меня в квартире в зимнем Новосибирске. А в 1984 году он таскал меня по окрестностям Нью-Йорка, знакомя с разными людьми. Немногословный, как и все финны, предельно корректный и в высшей степени интеллигентный Юха Маннинен, с которым я делил кабинет в Институте философии Финской Академии в 1974 г. Ристо Хилпинен, ныне в Майами, который читал доклад в моем отделе в Новосибирске, и который советовался со мной о возможности проведения Конгресса по логике в Москве. Раймо Туомела, книга которого о теоретических концепциях произвела на меня огромное впечатление. Вейкко Рантала, который помог мне понять тонкости дистрибутивных нормальных форм. И, конечно же, Якко Хинтикка, который устроил мне в 1974 г. грант Финской Академии, благодаря которому я окунулся в первый раз в серьезную философскую атмосферу. А в следующем 1975 году я оказался, благодаря Хинтикке, приглашенным докладчиком на очередном Конгрессе по логике, философии и методологии науки в Онтарио, Канада. После, как оказалось, успешного моего доклада, Якко Хинтикка предложил мне перейти с ним на «ты».

Большое впечатление на меня произвели встречи с патриархом финской философской школы Г. фон Вригтом (имя которого русские упорно произносили как фон Райт). Это был совершенный джентльмен. Он охотно уделял мне время, демонстрируя архив Витгенштейна в Хельсинки, и рассказывая о деталях тогда еще мало известной истории о намерении Витгенштейна поселиться в СССР и его визитах туда. Интересным оказался разговор о дистрибутивных нормальных формах, которые фон Вригт собственно и ввел, но только для пропозициональной логики. Когда я стал спрашивать про расширение этого аппарата на кванторную теорию, которое осуществил Хинтиikka, фон Вригт сказал мне, что он сам и не представлял такой возможности. Это был удивительный человек, и если можно представить себе святого в философии, то на эту роль мог претендовать фон Вригт. Вообще, в становлении финской логической школы есть какая-то тайна, потому что возникновение целой группы сильных ученых без какого-то серьезного базиса представляется невозможным. Я. Хинтиikka говорил мне, что позитивист в Хельсинки 1930-х Э. Кайла сыграл огромную роль в становлении аналитической философии.

Что касается дистрибутивных нормальных форм, то они представляют собой процедуру поисков возможной разрешимости формального языка. Очень близкую концепцию я нашел у американского математика Оггсли в *Notices of American Mathematical Society* где-то в конце 1960-х. Близкими по идеологии к этому были усилия У. Куайна по демонстрации таких попыток, в частности, его *baby-logic* курс *Methods of Logic* предлагал процедуру «почти разрешимости» для логики первого порядка. Памятуя о неразрешимости этого исчисления, интересно было представить «причины» этой неразрешимости. У Куайна в этой книге это было сделано очень интересно. Но дистрибутивные нормальные формы Хинтиикки увязали эту неразрешимость с глубинными философскими представлениями типа экспликации кантовских понятий «вещь-в-себе» и т.п. Я до сих пор нахожусь под впечатлением мощи этого аппарата, описав его в своей книге *Философские проблемы семантики возможных миров* (1-е изд. 1977, 2-е изд. – 2-е – 2010.)

После 1974 г. я встречался с Хинтииккой практически каждый год, в России на конференциях, в Америке, в Хельсинки. Памятным был, конечно, визит Хинтиикки в Академгородок в 1975 г., инициированный Ю.Л. Ершовым и мной, где он провел несколько семинаров в моем отделе философии, и замечательные застолья, с откровенными разговорами. Установление дружеских контактов с русскими было со сто-

роны финнов очень смелым шагом, памятуя нашу, как сейчас говорят, «непростую» историю взаимоотношений наших стран. И то обстоятельство, что первую скрипку в этом играл Я. Хинтикка, говорит о его высоких моральных качествах.

Я считаю Хинтикку ведущим аналитическим философом современности. Естественно, что «табель о рангах» в философском сообществе формируется прихотливо. Например, с огромным удивлением я обнаружил, что первая после знаменитого издания Пола Эдвардса философская энциклопедия, которую опубликовало издательство Routledge в 1990-х, вообще не содержала отдельной статьи про Я. Хинтикку. Помимо психологических причин, связанных с отношениями между коллегами по цеху, которые никогда не бывали безоблачными в научном мире, определенную роль в такого рода игнорировании заслуг Хинтикки играет то обстоятельство, что он, как я уже упоминал, не написал своего *magnum opus*, и все его работы (а их просто огромное множество в самых различных областях – от истории философии до оснований математики) представляют собой сборники статей. Но когда он все-таки пишет книгу, хотя и небольшую, она является шедевром краткости, элегантности и глубины мысли. Я имею в виду две совсем небольшие книги в серии «О (ком-то)» – *О Геделе* и *О Витгенштейне*. С участием своего друга Валерия Суровцева мы опубликовали русские переводы этих книг, чтение которых доставляет истинное наслаждение не только стилем, но очень оригинальной и глубокой трактовкой логических и философских концепций, которые по существу просто революционны. Не будь их автором знаменитый логик, ранние результаты которого о семантических таблицах (наравне и одновременно) с Э. Бетом и семантикой для модальной логики (наравне и одновременно с С. Крипке) создали ему репутацию, трудно было бы представить, какую смелость берет он на себя, говоря о «революции в логике и основаниях математики». Но именно это является темой его последних работ. В частности, его «дружественно-независимая логика» является основанием для ревизии многих концепции в основаниях математики, а главная книга на эту тему так называется *Principles of Mathematics Revisited*. Имеются в виду те самые принципы, которые Б. Рассел представил в своей работе *Principles of Mathematics*. Крайне сдержанное отношение к его новой системе (соавтором которой является Габриэль Санду) не обескураживает Хинтикку, который находит воистину удивительные приложения новой логики к философии. Впрочем, главным талантом Хинтикки, помимо чисто логических ре-

зультатов, я считаю именно богатство идей в экспликации философских концепций.

Для меня Якко Хинтиikka является одним из последних гигантов философии. Публикация посвященного ему тома в серии книг *Библиотека живущих философов* в некотором смысле канонизирует его в этом статусе. Однако мне он все-таки представляется настоящим бунтарем, который взламывает условности и смело идет на нарушение канонов в поисках новых идей в философии.